

«ЭКОЛОГИЯ РУССКОГО ДУХА» В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

С.А. ЩЕРБАКОВ, доц., зав. каф. языковой подготовки МГУЛ, д-р филол. наук

caf-rus@mgul.ac.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д.1, МГУЛ

Пафос всего творчества Николая Рубцова служит идее сохранения России – в единстве ее природы, традиций, национального духа. Созданное поэтом метафизическое пространство «русского духа» наполнено природными ландшафтами, людьми, исторической памятью. В нем перекликаются предки и потомки, мертвые и живые, призванные беречь это пространство. Главное вместилище соборного русского духа в поэзии Рубцова – «родная окрестность», которую надо полюбить и жалеть, хранить и помнить. С трепетным волнением и раньше многих Рубцов заговорил об «экологии русского духа». Все, где «дышит русский дух», – знаменитый ли Ферапонтов монастырь или изба в безвестном северном захолустье, «звуки музыки печальной» или полотна Левитана – вызывает в нем живейшее сопереживание и душевное сочувствие. В отличие от Есенина, Рубцов не видел прямой угрозы деревне в городской цивилизации – отчасти потому, что уже во многом случилось поглощение деревни городом, отчасти из-за того, что появились новые угрозы военного и техногенного характера уже для всей человеческой цивилизации. Более того, в знаменитом рубцовском образе «звезды полей» выражается горький и в то же время светлый «пафос сохранения» городов. Поэт не акцентирует различий между «первой» природой – естественной, и «второй», то есть окультуренной человеком. Мало того, он стремится найти равновесие между обществом и природным естеством. Рубцов не провозглашает есенинское «проклятье силе паровоза», для него паровоз – чуть ли не живое существо, связующее его с родиной. Полагая, что природа и цивилизация могут существовать в равноправной гармонии, он хотел бы примирить их между собой. И, вместе с тем, в одном из его стихотворений железнодорожный состав, несущийся среди миров, подобен гоголевской тройке, но уже на новом витке истории – еще более стремительном и опасном.

Ключевые слова: ландшафт, природа, Россия, «русский дух».

О Николае Рубцове вряд ли можно говорить как об авторе экологически заостренном, какими были, например, его современники Николай Старшинов и Юрий Кузнецов. Его поэзия не ассоциируется с защитой живой природы от антропогенного воздействия. Единственный, пожалуй, прямой упрек людям за неразумное вмешательство в жизнь природы содержится в его стихотворении «Тихая моя родина»: *«Там, где я плавал за рыбами, / Сено гребут в сеновал: / Междуречными изгибами / Вырыли люди канал. / Тина теперь и болотина / Там, где купаться любил... / Тихая моя родина, / Я ничего не забыл...»* [1].

Традиционное представление об экологии как науке, занимающейся охраной окружающей среды, в ракурсе сегодняшнего дня, весьма заужено. Даже когда это понятие распространяется с природной среды на культуру. Например, среди лингвистов сейчас стало модным говорить об «экологии русского языка», то есть его сохранении в условиях стремительно меняющегося социума. За этой попыткой расширить представления об экологии вплоть до сферы духа зачастую видится забота лишь о сохранении природного и культурного окружения, внешней среды обитания человека. А поэзия Рубцова обращает-

ся, прежде всего, к живому, животворящему духу, исходящему из глубин души русского народа, его исторических и природных корней, проникающему в сердца людей и жизненный мир современного социума.

В случае Рубцова, на наш взгляд, в этом смысле следует говорить об «экологии русского духа». Его известное всем заклинание: *«Россия, Русь! Храни себя, храни!»* [1] из стихотворения «Видения на холме» – прямое подтверждение этому. Глеб Горбовский, комментируя его, писал: *«Мысль “храни” перерастает здесь рамки личного и даже – отчего. Сохраняя любовь и память к своему изначальному, к родимой деревеньке, городу, речке детства, мы тем самым сохраняем любовь к Отчизне и даже больше – ко всему живому на земле»* [2].

Менее известное, но сегодня не менее актуальное напоминание поэта о бескорыстии, вызывающее к «русскому духу» и противостоящее всему современному укладу, включено им в стихотворение «Русский огонек» как реплика бедной, но не отступающей от заветов предков старушки: *«Господь с тобой! Мы денег не берем!»* [1]. Да и четверостишие «О Пушкине»: *«Словно зеркало русской стихии, / Отстояв назначенье свое, / Отразил он*

всю душу России / И погиб, отражая ее...» [1] тоже, по сути, связано с экологией «русского духа».

В стихотворении «Старая дорога» Рубцов наполнил выражение «русский дух» особым содержанием, это и дает основание заключить (с некоторой долей условности), что Рубцов положил начало новому направлению в экологии: *«Здесь каждый славен – мертвый и живой! / И оттого, в любви своей не каясь, / Душа, как лист, звенит, перекликаясь / Со всей звенящей солнечной листвой, / Перекликаясь с теми, кто прошел, / Перекликаясь с теми, кто проходит... / Здесь русский дух в веках произошел, / И ничего на ней не происходит. / Но этот дух пойдет через века! / И пусть травой покроется дорога, / И пусть над ней, печальные немного, / Плывут, плывут, как мысли, облака...»* [1].

По сути, поэт воссоздает некое метафизическое пространство «русского духа», в котором перекликаются предки и потомки, мертвые и живые, сохраняя вместе этот самый дух. И все его собственное творчество тяготеет именно к этому пространству, что делает Рубцова поэтом национальным. Комментируя это стихотворение, Николай Коняев заметил: «Движение по “Старой дороге” осуществляется одновременно с прошлым, настоящим и будущим... В умении ощущать одновременность прошлого и будущего и заключается секрет удивительной прозорливости Николая Михайловича Рубцова» [3].

Православный философ И.А. Ильин, основываясь на материале русской поэзии девятнадцатого века, писал: «За Россией земной – живет, созерцает, поет, молится и творит Россия духовная... И когда мы произносим это простое и в то же время необъятное слово «Россия» и чувствуем, что мы назвали что-то самое главное в нашей жизни и в нашей личной судьбе, то мы твердо знаем, что мы разумеем не просто природу, или территорию, или быт, или хозяйство, или государство, но русский дух, выросший во всем этом, созданный этим, и создававший все это в муках, в долготерпении, в кровавой борьбе и в непрестанном молитвенном напряжении» [4]. Пожалуй, именно Рубцов (вряд ли знако-

мый с трудами философа) в веке двадцатом оправдал его веру в то, что русская поэзия «всегда прозирала священное естество русского духа» [4].

В стихотворении «Жар-птица» Николай Рубцов продолжает важнейшую для него мысль о своеобразии «русского духа»: *«В деревне виднее природа и люди. / Конечно, за всех говорить не берусь! / Виднее над полем при звездном салюте, / На чем поднималась великая Русь. / Галопом колхозник погнался лошадей, / А мне уж мерещится русская удаль...»* [1]. Главный нервный узел стихотворения падает на включенный в поэтическую картину диалог. Устами старика-пастуха поэт изрек потрясающей силы откровение о трагической истории XX века и вместе с тем прочных условиях сохранения «русского духа»: *«– Старик! А давно ли ты ходишь за стадом? / – Давно, – говорит, – колокольня вдали / Деревни еще оглашала набатом, / И ночью светились в домах фитили. / – А ты не заметил, как годы прошли? / – Заметил, заметил! Попало как надо. / – Так что же нам делать, узнать интересно... / – А ты, – говорит, – полюби и жалей, / И помни хотя бы родную окрестность, / Вот этот десяток холмов и полей...»* [1].

Последние четыре процитированные строки, вне сомнения, являются кульминацией стихотворения. А далее следует развязка, в которой автор резко меняет тему диалога: *«Ну ладно! Я рыжиков вам принесу...»* [1] и заканчивает стихотворение умиротворенной пейзажной картинкой, как бы стесняясь его высокого пафоса.

Вадим Кожин, размышляя о сути поэзии Рубцова, писал: «В поэзии Николая Рубцова природа нераздельна с жизнью и историей народа. В каком-то смысле это же можно сказать о творчестве многих поэтов. Но у Рубцова – и в этом один из главных источников силы и своеобразия его поэзии – природа и история народа нередко словно сливаются, даже отождествляются, и их единство предстает для поэта как своего рода идеал. <...> В поэтическом мире Николая Рубцова именно сама природа предстает как необходимый исток и основа истории, как естественно порождающая бытие

народа почва. И именно этим, по убеждению поэта, живет человек, именно это надо постоянно помнить и сознавать. Только в единстве со своим народом и его тысячелетней историей человек обретает действительное единство с природой – таков сквозной смысл поэзии Николая Рубцова» [5].

В отличие от новокрестьянских поэтов (к ним относят Сергея Есенина, Николая Клюева, Сергея Клычкова и др.), Рубцов не видел прямой угрозы деревне в городской цивилизации. Отчасти потому, что уже во многом случилось поглощение деревни городом, отчасти из-за того, что появились новые угрозы военного и техногенного характера уже для всей человеческой цивилизации. Более того, в знаменитом рубцовском образе «звезды полей» выражается горький и в то же время светлый «пафос сохранения» городов: *«Звезда полей горит, не угасая, / Для всех тревожных жителей земли, / Своим лучом приветливым касаясь / Всех городов, поднявшихся вдаль»* [1].

На это отличие применительно к творчеству Есенина и Рубцова указывал исследователь творчества последнего С.Ф. Педенко: «... Рубцов нашел свой, отличный от есенинского, поэтический путь. От одной отправной точки – чувства неустойчивости, зыбкости деревенского покоя, на который неотвратимо наступает город, их пути пошли в разные стороны: Есениным город сначала принимался в штыки, вплоть до образа затравленного “железным гостем” поэта-волка...<...> У Рубцова же развитие темы шло в прямо противоположном направлении: от неуверенной попытки понять и принять город в ленинградских стихах, через краткий период «меж городом и селом» к полному, всеохватному чувству принадлежности к тем, кто воздавал красоте сельской природы “почти молитвенным обрядом”» [6]. Продолжает тему «трагического» Геннадий Красников: «...такого трагического и выстраданного укоренения в себе русской природы, готовности к родству с тихой родиной своих предков, литература ни до, ни после не знала...» [7].

Конечно, город не стал значимой темой рубцовской поэзии. «Начав свой путь как

“городской” поэт, Николай Рубцов обратился к деревне, ибо был уверен, что в ее бытии сегодня яснее выступают природа, человек и история в их противоречивом единстве» [5]. Но и неприязни к городской цивилизации он не испытывает, и подтверждением этому может служить стихотворение «В городе»: *«Как часто, часто, словно птица, / Душа тоскует по лесам! / Но и не может с тем не слиться, / Что человек воздвигнул сам!»* [1].

Эту мысль он продолжает в стихотворении «Грани»: *«...Хочется как-то сразу / Жить в городе и в селе»*. Правда, финал стихотворения вроде бы содержит выпад против города: *«Ах, город село таранит! / Ах, что-то пойдет на слом! / Меня все терзают грани / Меж городом и селом...»* [1]. Но при ближайшем рассмотрении этот текст оказывается не «криком души», а своеобразной пародией на модную в те годы полемику о стирании граней между городом и деревней. В.А. Оботуров, комментируя эти строки, отметил, что «поэт иронизирует над плоскими выводами из сложной жизненной проблемы, понимая необратимость прогресса...» [8].

Николай Рубцов не акцентирует различий между «первой» природой – естественной, и «второй», то есть окультуренной человеком. Мало того, он стремится найти равновесие между обществом и природным естеством. Ярким примером тому служит стихотворение «Меня звала моя природа», в котором «могучий вид маслозавода» гармонично вписывается в сельский пейзаж и даже символизирует собой радость крестьянского труда: *«Я долго слушал шум завода – / И понял вдруг, что счастье тут: / Россия, дети и природа, / И кропотливый сельский труд!...»* [1].

Рубцов не провозглашает «проклятье силе паровоза» новокрестьянских поэтов: для него паровоз – чуть ли не живое существо, связующее его с родиной. В стихотворении «Прекрасно небо голубое!» у него эпитет, характеризующий небо, переносится на «изделие людское»: *«прекрасен поезд голубой!»* [1]. Ладно, поезд, он и самолет принимает за подобное мухе произведение природы, только более полезное и приятное: *«Мне приятно*

даже мух гудение, / Муха – это тоже самолет» [1]. Полагая, что природа и цивилизация могут существовать в равноправной гармонии, он хотел бы примирить их между собой.

В программном стихотворении Рубцова «Поезд», который символизирует в данном случае стремительно нарастающий технический прогресс, вопрос о том, грозит ли он человечеству «крушением» или нет, решается, вроде бы, в пользу оптимистического развития событий. Но решается по чеховскому принципу: этого не может быть, потому что не может быть никогда: *«Вместе с ним и я в просторе мгlistом / Уж не смею мыслить о покое, / – Мчусь куда-то с лязганьем и свистом, / Мчусь куда-то с грохотом и воем, / Мчусь куда-то с полным напряженьем / Я, как есть, загадка мирозданья. / Перед самым, может быть, крушеньем / Я кричу кому-то: «До свиданья!..» / Но довольно! Быстрое движение / Все смелее в мире год от году, / И какое может быть крушение, / Если столько в поезде народу?»* [1].

Поэт вроде бы отвергает апокалипсис, но апокалипсический мотив здесь явно присутствует, вопросительный знак, которым заканчивается стихотворение, оставляет данный риторический вопрос открытым. На него не только не требуется, но и не может быть ответа. Железнодорожный состав, несущийся среди миров, подобен гоголевской тройке, но уже на новом витке истории – еще более стремительном и опасном.

Помимо гоголевских мотивов, в стихах Рубцова обнаруживается тесная аллюзивная связь с произведениями ряда других поэтов: Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Некрасова, Блока и Есенина, что неоднократно отмечали исследователи его творчества. Рубцов вообще очень восприимчив к русским литературным традициям, и в этом также проявляется его уникальный дар сохранения «русского духа». Причем, он заговорил об «экологии русского духа» не только с трепетным волнением, присущим традициям родной поэзии, но и раньше многих литераторов. И речь идет не только о продолжении традиций литературных. Все, где «дышит русский дух», – знаменитый ли Ферапонтов монастырь или изба в безвес-

тном северном захолустье, «звуки музыки печальной» или полотна Левитана – вызывает в нем живейшее сопереживание и душевное сочувствие.

Но все же главное вместилище соборного русского духа в поэзии Рубцова – «родная окрестность», с ее «десятком холмов и полей», которую, следуя завету старика-пастуха из стихотворения «Жар-птица», надо полюбить, жалеть и помнить. В заметке «О родном уголке» он прямо высказывается об определяющем влиянии природы малой родины человека на воспитание в нем патриотических чувств. В начале заметки он позиционирует родной ему город Тотьму как «прекрасный и в то же время скромный уголок природы» [1]. А завершается заметка, со свойственной публицистическому стилю патетикой, сентенцией о «чувстве родины» вообще: «...именно этому уголку я и все мои товарищи обязаны безграничной любовью к нашей несравненно дорогой и любимой Родине...» [1].

Флора в произведениях Рубцова не отличается большим разнообразием. «Неподражаемая» северная природа «гораздо грубее и суровей» южной [1], что сказывается в первую очередь на растительном покрове, не могущем похвастаться пышностью форм и красок. Но это никак не умаляет ее прелести в глазах того, кто «воспитан природой суровой» [9]. Как выразился В.В. Розанов, «...север – суров... чувства в нем не вытягиваются в длинную пальму, не ветвятся, не раздаются в пышную зелень, а растут приземистой березкой, коротенькой, «ядреной», стелющейся по земле» [10].

Эта чуткость души в отношении к скромной северно-русской природе выражена в лирике Рубцова с пронзительностью, сопоставимой с есенинской. Именно она во многом определила его место в русской литературе как поэта национального.

Библиографический список

1. Рубцов, Н.М. Звезда полей / Н.М. Рубцов. – М.: Воскресенье, 1999. – 672с.
2. Горбовский, Г. Долгожданный поэт / Г. Горбовский // Воспоминания о Рубцове: Сборник / под ред. В. Оботурова. – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд.-во. Волог. отделение, 1983. – С. 97.

3. Коняев, Н.М. Николай Рубцов / Н.М. Коняев. – М.: Молодая Гвардия, 2001. – 364 с.
4. Ильин, И.А. Россия в русской поэзии. В 10 т. Т.6. Кн. II // Ильин И.А. – М.: Русская книга, 1996. – С. 199–258.
5. Кожин, В.В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта / В.В. Кожин. – М.: Сов. Россия, 1976. – 88 с.
6. Педенко, С.Ф. Самая жгучая связь / С.Ф. Педенко // Рубцов Н.М. Звезда полей. Собр. соч. в 1 т. – М.: Воскресенье, 1999. – С. 5–30.
7. Красников, Г.Н. Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного неба / Г.Н. Красников. – М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2002. – 496 с.
8. Оботуров, В.А. Искренне слово. Страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова: Очерк / В.А. Оботуров. – М.: Советский писатель, 1987. – 256 с.
9. Заболоцкий, Н.А. Не позволяй душе лениться: Стихотворения и поэмы / Н.А. Заболоцкий. – М.: Эксмо, 2008. – 384 с.
10. Розанов, В.В. О писательстве и писателях / В.В. Розанов. – М.: Республика, 1995. – 736 с.

« ECOLOGY OF RUSSIAN SPIRIT » IN THE WRITINGS OF NIKOLAI RUBTSOV

Shcherbackov S.A., Prof. MSFU, Dr. Sci. (Philosophy)

caf-rus@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University (MSFU), 1 st Institutskaya Street, 1, 141005, Mytishi, Moscow reg., Russia

The emotional content of Nikolay Rubtsov's poetic works serves the idea to maintain Russia in the unity of its nature, its traditions and national spirit. The poet created a certain metaphysical space of the "Russian spirit" which is fullid with wild landscapes, historical recollections and people; within this space everything is interdependent, i.e., the dead and the alive, the ancestors and the descendants, whose duty is to save the abovementioned space. The home of the conciliar Russian spirit, according to Rubtsov, is "one's vicinage" which one has to love, to feel compassion for and constantly to remember. Rubtsov was the first to speak about the "ecology of Russian spirit" with some degree of solemn excitement. Everything where there is Russian spirit, whether it is a famous monastery founded by St.Ferapont or an unknown hut in the middle of nowhere (in some Northern region), or paintings by Levitan, or "some sad music tunes", excites his tumult and compassion. Unlike Esenin, Rubtsov did not see urban civilization as a direct threat to the village, partly because the absorption of villages by cities has already happened, partly because of the emergence of new threats of military and industrial character to all the human civilization. Moreover, the famous Rubtsovsk «star fields» expresses bitter and still bright «pathos to save» cities. The poet does not highlight differences between the so-called «first» nature – the natural one, and the "second" nature – the one cultivated by man, moreover, he tries to find a balance between the society and nature in its first meaning. If Esenin proclaimed "a curse to the strength of a locomotive", Rubtsov sees this locomotive is almost a living being, connecting him with his homeland. He wanted to reconcile nature and civilization, believing that they can exist in equal harmony. However, in one of his famous poems the train rushing among the worlds resembles Gogol's "troika" with the one exception – it is on a new, more rapid and dangerous stage in history.

Key words: landscapes, nature, Russia, "Russian spirit".

References

1. Rubtsov N.M. *Zvezda poley* [Star fields]. Moscow: Voskresen'e Publ., 1999. 672 p.
2. Gorbovskiy G. *Dolgozhdannyy poet. Vospominaniya o Rubtsove* [The long-awaited poet. memories about Rubtsov]. Arhangel'sk; Vologda: Sev.-Zap. kn. izd.-vo Publ., 1983. p. 97.
3. Konyaev N.M. *Nikolay Rubtsov* [Nikolai Rubtsov]. Moscow : Mol. Gvardiya Publ., 2001. 364 p.
4. Il'in I.A. *Rossiia v russkoy poezii. Il'in I.A. Sobranie sochineniy: V 10 t. T.6. Kn. II* [Russia in Russian poetry. Ilyin I. A. Works: In 10 vol. Vol. 6. Part II]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1996. pp. 199–258.
5. Kozhinov V.V. *Nikolay Rubtsov. Zametki o zhizni i tvorchestve poeta* [Nikolai Rubtsov. Notes on the life and work of the poet]. Moscow: Sov. Rossiya Publ, 1976. 88 p.
6. Pedenko S.F. *Samaya zhguchaya svyaz* [The most burning relationship]. Rubtsov N.M. *Zvezda poley*. Moscow: Voskresen'e Publ., 1999. pp. 5–30.
7. Krasnikov G.N. *Rokovaya zatsepka za zhizn', ili V poiskah utrachennogo neba* [Fatal clue for life, or In search of lost heaven]. Moscow: Zvonnica-MG Publ., 2002. 496 p.
8. Oboturov V.A. *Iskrennie slovo. Stranicy zhizni i poeticheskiy mir Nikolaya Rubtsova: Ocherk* [Sincerely the word. Pages of life and the poetic world of Nikolai Rubtsov: Essay]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1987. 256 p.
9. Zablockiy N.A. *Ne pozvolyai dushe lenitsya: Stihotvoreniya i poemi* [Don't let the soul be lazy: verses and poems]. Moscow: Eksmo Publ., 2008. 384 p.
10. Rozanov V.V. *O pisatelstve i pisatelyah* [About writing and writers]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 736 p.